

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.18>

Казанцева Елена Анатольевна, Фаткуллина Флюза Габдуллиновна,
Валиахметова Эльвира Камиловна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В данной статье делается попытка найти рациональные подходы к исследованию институционального дискурса. В фокусе работы находятся понятийные и методологические расхождения в оперировании терминами "институциональный дискурс" и "дискурс-анализ". Отталкиваясь от основных понятий, лежащих в основе институционального дискурса, авторы подвергают его переосмыслению и приходят к пониманию его как процесса, инструмента и механизма психоэмоционального воздействия на представителя определенной социальной среды. Предлагается не отождествлять термин "дискурс-анализ" с исследовательским методом, а считать его подходом или направлением - исследовательской практикой, вмещающей в себя разные междисциплинарные методы, сложившиеся в мировой науке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 82-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-139+304.4

Дата поступления рукописи: 31.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.18>

В данной статье делается попытка найти рациональные подходы к исследованию институционального дискурса. В фокусе работы находятся понятийные и методологические расхождения в оперировании терминами «институциональный дискурс» и «дискурс-анализ». Отталкиваясь от основных понятий, лежащих в основе институционального дискурса, авторы подвергают его переосмыслению и приходят к пониманию его как процесса, инструмента и механизма психоэмоционального воздействия на представителя определенной социальной среды. Предлагается не отождествлять термин «дискурс-анализ» с исследовательским методом, а считать его подходом или направлением – исследовательской практикой, вмещающей в себя разные междисциплинарные методы, сложившиеся в мировой науке.

Ключевые слова и фразы: институциональный дискурс; методологические проблемы дискурс-анализа; система фильтров; психоэмоциональное воздействие; рациональный и аффективный сценарий.

Казанцева Елена Анатольевна, к. филол. н., доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет
consul200@yandex.ru

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна, д. филол. н., профессор
Башкирский государственный университет, г. Уфа
fluzarus@rambler.ru

Валиахметова Эльвира Камиловна, к. филол. н., доцент
Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
Belaya2808@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Институциональная дискурсология, являясь относительно молодой наукой, успела занять одно из центральных мест в современной лингвистике и продолжает развиваться очень бурно, вовлекая как российских, так и зарубежных исследователей. Большой вклад в ее развитие внесли такие известные исследователи, как М. Фуко, П. Бурдьё, М. А. Хэллiday, З. Харрис, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, И. П. Сусов, В. И. Карасик, Т. П. Попова, Е. А. Кротков, М. Л. Макаров, Е. А. Земская, О. А. Лаптева, Е. Н. Ширяев, Ж. В. Милованова и мн. др. На сегодняшний день сделано много в теоретическом плане: уточнение основных терминов (П. Серио, Э. Бенвенист, Н. Д. Арутюнова, Ю. Хабермас), разработка метаязыка, разработка методов дискурс-анализа (Ф. Боаз, В. Матезиус, З. Харрис, Т. ван Дейк, У. Чейф и др.), анализ жанровой и композиционной структуры институционального дискурса. Налицо и определенные практические достижения, особенно в области исследования политического (Э. Косериу, Т. Тодоров, А. Вежбицкая, Х. Медер, В. З. Демьянков, М. В. Китайгородская, И. И. Кравченко и др.) и массмедийного дискурса (А. В. Караулов, П. Б. Паршин, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, А. П. Чудинов, Г. Я. Солганик и др.). Положено начало активным исследованиям в сфере медицинского дискурса (Л. Бейлинсон, В. Лабов, С. Фишер, В. В. Жура, М. И. Барсукова, Н. Ю. Сидорова и др.), дискурса менеджмента (М. Вебер, П. Друкер, Ф. А. Эрн, Н. И. Безлепкин и др.).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на фоне бурного развития институциональной дискурсологии в мировом научном пространстве в отечественной науке наблюдается некоторая эклектичность дискурсивных исследований вообще и исследований институционального дискурса в частности. Даже в оперировании самим термином *дискурс* существует много понятийных и методологических расхождений. Многие работы российских исследователей, написанные под лозунгом дискурс-анализа, создают впечатление размытости, «фантомности» и стали получать критические отзывы коллег. Эти явления вызывают серьезную озабоченность российского научного сообщества [3; 12] и требуют переосмысления, поскольку целью любой науки является получение важных практических результатов каждого конкретного исследования.

Научная новизна статьи заключается в попытке найти рациональный подход к исследованию институционального дискурса, опираясь на два основных понятия прагматики – контекст и речевой акт.

Исследование ставит целью выяснить, какие именно инструменты дает лингвистике дискурсивный подход, как и, самое главное, для чего их использовать.

Исходя из поставленной цели, вытекают следующие задачи:

Проанализировать теоретические проблемы, связанные с понятием *институциональный дискурс*.

Выявить механизмы, лежащие в основе взаимодействия в институциональном дискурсе.

Для того чтобы сформулировать практически значимые цели и направления исследований в области институционального дискурса на сегодняшний день, попробуем вернуться к самому понятию, к его истокам. В основе институционального дискурса как такового аксиоматично лежат два основных понятия – *речевое общение* и *социальный институт*.

Языкознание традиционно описывает речевое общение как *мотивированный* процесс взаимодействия между людьми, направленный на реализацию конкретной *целевой установки* и характеризующийся обратной связью коммуникантов. Социологи добавляют к этой трактовке условие наличия у речевых партнеров общего *социально-культурного опыта*. С точки зрения психологии, речевое общение – «осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и *направленное на значительное изменение* в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера» [6, с. 244].

Исходя из семантики понятия *социальный институт* как исторически сложившейся устойчивой формы организации совместной деятельности, имеющей свой комплекс норм и правил, направленных на регуляцию различных сфер деятельности человека через систему социально-статусных ролей, можно сделать вывод о том, что институциональный дискурс прежде всего является инструментом и ресурсом власти, осуществляемой через посредство вербальной коммуникации. Дискурс в этом ракурсе выступает как система фильтров речевого поведения, ограничивающих производство определенных типов высказываний в определенных типах дискурса [4].

В работах одного из основоположников французской школы теории дискурса М. Фуко [9-11] институциональный дискурс трактуется как дискурсивная формация, властно навязывающая обществу определенную оценочную и когнитивную базу и структурирующая объекты посредством различения нормы и отклонений от нее. То есть социальные институты представляются им как сферы подавления и вербального надзора за соблюдением установленного порядка употребления слов и порядка вещей в целом. С этим согласуется и точка зрения Пьера Бурдьё [1], описывающего социальные институты как источники формирования определенной картины мира, которая навязывается людям властью и капиталом.

Соответственно, институциональный дискурс, как понимают его основатели французской школы, представляет собой особый язык, транслирующий и регулирующий собственную базу норм и ценностей, которые закрепляются соответствующим социальным институтом.

Основной тип распределения ролей в речевом акте институционального дискурса, отталкиваясь от такой его интерпретации, можно сформулировать как агрессор – жертва, причем позиция агрессора, как правило, заполняется коммуникантом с более высоким социальным статусом (начальник, директор, старший по званию и т.п.). Эта интерпретация институционального дискурса со всей очевидностью лежит в основе самостоятельного и очень широко распространенного в зарубежной лингвистике направления – критического дискурс-анализа, целью которого является устранение социального неравенства.

С одной стороны, это во многом объясняет степень исследованности определенных типов институционального дискурса (политический, массмедийный, рекламный, управленческий), поскольку они «ближе всех» к капиталу (эти исследования имеют высокую практическую значимость для представителей власти и крупного бизнеса) и могут принимать весьма агрессивные формы. Но, с другой стороны, есть признаваемые мировым ученым сообществом типы институционального дискурса (научный, образовательный, спортивный, медицинский, религиозный, дипломатический и др.), в которых взаимоотношения участников существенно менее дистантны или более паритетны, и не воспринимаются как механизм намеренно агрессивного воздействия. Отсюда напрашивается вывод, что для применения его к любым типам институционального дискурса термин нуждается в более обобщенной трактовке, которую мы находим в последующих работах, посвященных теории дискурса.

Т. А. ван Дейк представляет институциональный дискурс как механизм трансформации макросоциальных феноменов, таких как наука, идеология, культура, практически до каждого человека на микросоциальный уровень путем дозированного информационного воздействия, а основным преимуществом и целью дискурс-анализа называет целостный подход, позволяющий объединить в одно исследование несколько измерений одного и того же социального феномена – использование языка, обмен верованиями, взаимодействие в социальных событиях [14; 15]. Немецко-австрийская школа рассматривает институциональный дискурс как «совокупность речевых действий в социокультурном и историческом контексте, в которых производятся и воспроизводятся коллективное знание, мышление, чувства, устремления, обязательства социальных групп в гетерогенной языковой общности» [7, с. 559]. П. Серио предлагает рассматривать дискурс как тексты, во-первых, произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания, и, во-вторых, наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью [Там же, с. 551]. С таким пониманием институционального дискурса согласуются и основные точки зрения отечественных исследователей языка. Так, В. И. Карасик характеризует институциональный дискурс как «общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [5, с. 14]. Такое понимание институционального дискурса расширяет его границы, приводя к существенному снижению в нем семы агрессивности и восприятию его как языкового механизма регулирования поведения человека в социуме через позицию *доминирующий – подчиненный*.

Эта позиция, безусловно, характеризуется дистантными отношениями речевых партнеров. Здесь стоит привести важное наблюдение Дж. Лайонза о существовании очевидной связи между физической и эмоциональной близостью и удаленностью, которое приводит к выводу о том, что в основе дистанционности лежат отрицательно заряженные эмоции. Для иллюстрации этого автор приводит в пример тот факт, что использование местоимения *that* вместо *this* для близко расположенного объекта является показателем того, что данный объект неприятен или отвратителен говорящему: он эмоционально дистанцируется от того, что он обозначает этим местоимением [17, р. 327].

В свете вышеизложенного можно высказать предположение, что в любом типе институционального дискурса схема взаимодействия коммуникантов замыкается на целенаправленном инициировании у речевого партнера определенного типа эмоций, через посредство которых, по-видимому, и работает вышеупомянутая дискурсная система фильтров. Следовательно, институциональный дискурс является процессом, инструментом и механизмом психоэмоционального воздействия на представителя определенной социальной среды. С этим полностью согласуется и мнение В. И. Шаховского о том, что любой тип дискурса обладает двумя важнейшими признаками: эмотивностью и эмоциогенностью [13].

Возникнув в русле прагматики, теория дискурса опирается на два ее основных понятия – контекст и речевой акт. У основателей теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля мы также находим подтверждение вышеизложенным соображениям. Описывая речевой акт как целенаправленное речевое действие в условиях живой вербальной коммуникации, основным объектом исследования они называют иллокуцию (намерение говорящего), и одним из важнейших параметров речевого акта считают выраженное психологическое состояние его участников.

При осуществлении речевого акта адресант в соответствии со своей целевой установкой запускает либо рациональный сценарий (то есть включающий рациональные способы обработки поступившей информации у адресата), либо аффективный (эмоциональная обработка информации). Ответный речевой поступок адресата осуществляется в пределах тех же двух сценариев. Аффективные сценарии могут быть как положительными (вызывающими эмоции удовольствия, интереса, восхищения, удивления, веселья, сопереживания), так и отрицательными (порождающими эмоции страха, гнева, обиды, возмущения). Именно эти аффективные сценарии и являются мощным орудием психологического воздействия на речевого партнера. Преследуя одну и ту же стратегическую цель в рамках одной и той же коммуникативной ситуации – изменение мнения или поведения адресата в нужном адресанту направлении, – адресант может использовать диаметрально противоположные тактики, запуская либо отрицательно заряженный аффективный сценарий, направленный, к примеру, на порождение эмоции страха или обиды, либо положительно заряженный сценарий, вызывающий удовольствие, смех или сопереживание.

Проиллюстрируем это на примере широко распространенного коммуникативного события (педагогический дискурс, школьный урок, ученик под партой играет в игру на телефоне, цель – изменение поведения ученика):

Приведем два варианта речевого хода учителя в подобной ситуации:

(1)

– *Иванов, еще раз увижу у тебя в руках телефон, и без родителей в школу не приходи!* (запуск аффективного сценария *страх*)

(2)

– *Петя, дай-ка сюда свой телефон. Теперь я в него поиграю.* (запуск аффективного сценария *удивление*)

Достижение цели в этой коммуникативной ситуации зависит от множества факторов: индивидуальные психологические особенности ученика, его психологическое состояние в данный момент, его отношение к учителю, социальное положение его семьи, интонационный рисунок и невербальные средства, использованные учителем при произнесении высказывания, отношение к данному событию и к данному учителю других учеников, присутствующих в классе и др. Так, в пределах первой модели, направленной на инициирование эмоции страха, со стороны адресата можно ожидать запуска аффективного сценария гнева или раздражения (– *А почему другим можно, а мне нельзя?*), а в некоторых случаях и презрения (– *Вы вообще знаете, кто мои родители?*). Реакция может быть не высказана вербально (ученик просто делает для себя вывод, что главное – чтобы учитель *не увидел* телефон у него в руках, значит нужно просто быть осторожнее). Вторая модель – высказывание, направленное на инициирование эмоции удивления, так же может не достичь желаемой цели, но шансов у нее все же больше. Во-первых, потому что ученик в этом случае обязательно отдает учителю телефон (срабатывает эффект неожиданности, на некоторое время лишаящий человека способности к обработке информации). Во-вторых, вероятность получить в ответ на положительно заряженное высказывание запуск негативно заряженного сценария существенно ниже.

Вышесказанное характерно и для политических речей. Так, в своем предвыборном выступлении Д. Трамп создает свой положительный опыт, используя ход «контраст», критикуя представителей партии, находящейся в тот момент у власти, и противопоставляя “she – we” [2] (она – мы) (здесь и далее перевод автора статьи. – Э. В.): *...Hillary Clinton's message is that things will never change... My message is that things have to change* [16]. / *...послание Хиллари Клинтон – ничего не изменится... Мое послание – ситуация должна измениться.* Используя прием «противопоставление» в анализируемой коммуникативной ситуации, Д. Трамп вызывает у своей аудитории необходимые ему эмоции и подталкивает ее к нужному запланированному выбору.

Приведем еще один широко известный пример (рекламный дискурс, письменный модус, распространитель фирмы «Гербалайф» ходит по улице с бейджином, на котором написано: *«Хочешь похудеть? Спроси меня, как!»*), цель – привлечение новых клиентов). Потрясающая эффективность этого рекламного хода (с 1990-х гг. и по сей день компания *Herbalife* является мировым лидером продаж товаров для сбалансированного питания, несмотря на множество критических отзывов о качестве реализуемой продукции) объясняется, с одной стороны, гениальной простотой способа распространения информации (бейдж), и с другой стороны, грамотным запуском аффективного сценария *интерес* у потенциального клиента. С точки зрения

языковых приемов здесь наблюдается сокращение дистанции за счет обращения на «ты», использование вопросительной и побудительной конструкций. Из манипулятивной логики построения этого короткого текста человек может сделать вывод, что, чтобы похудеть, ему достаточно подойти к этому приятному улыбчивому человеку и просто задать один-единственный вопрос. Тогда так тревожащая его проблема с излишним весом рассосется сама собой. В основе этой техники манипулирования лежит ложная логика (обман), намеренно вводящая адресата в заблуждение. Таким образом, запуск положительно заряженного аффективного сценария может носить манипулятивный характер, что наиболее характерно для медийного дискурса [8].

Таким образом, институциональный дискурс является механизмом психоэмоционального воздействия. И одним из наиболее эффективных подходов для лингвистических исследований, связанных с проблемами социального взаимодействия, выступает анализ аффективных сценариев, лежащих в основе языкового манипулирования.

Список источников

1. **Бурдые П.** От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социоанализ Пьера Бурдые: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетея, 2001. С. 51-64.
2. **Валиахметова Э. К.** Дискурс-анализ коммуникативного воздействия предвыборной речи Д. Трампа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 297-299.
3. **Горохова Н. В.** Проблема многозначности понятия «Дискурс» [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-mnogoznachnosti-ponyatiya-diskurs> (дата обращения: 07.03.2018).
4. **Задворная Е. Г.** Дискурс как фильтрующая система и принципы речевого общения // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Мн.: Издательский центр БГУ, 2008. Вып. 5. С. 29-38.
5. **Карасик В. И.** О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
6. **Петровский А. В., Ярошевский М. Г.** Психология: словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
7. **Серио П.** Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2001. С. 549-562.
8. **Фаткуллина Ф. Г.** Понятия стратегии и тактики в современном медиадискурсе // Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте: материалы Первого международного виртуального форума по русистике, культуре, педагогике в Японии (25-29 сентября 2014 г.). Киото: Университет Киото Сангё; TanakaPrint, 2014. С. 638-643.
9. **Фуко М.** По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. **Фуко М.** Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
11. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
12. **Чернявская В. Е.** Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. Вып. 1. С. 54-61.
13. **Шаховский В. И.** Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 414 с.
14. **Dijk T. A. van.** Discourse as structure and process. N. Y.: Sage, 1997. 356 p.
15. **Dijk T. A. van.** Handbook of discourse analysis: 3-volume edition. Amsterdam: Academic Press, Inc., 1985. Vol. 3. Discourse and dialogue. 218 p.
16. **Full transcript: Donald Trump NYC speech on stakes of the election** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.com/story/2016/06/transcript-trump-speech-on-the-stakes-of-the-election-224654> (дата обращения: 13.06.2018).
17. **Layonz Dzh.** Linguistic semantics. М.: Languages of Slavic Culture, 2003. 400 p.

THEORETICAL APPROACHES TO INSTITUTIONAL DISCOURSE STUDY

Kazantseva Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ufa State Petroleum Technological University
consul200@yandex.ru

Fatkullina Flyuza Gabdullinovna, Doctor in Philology, Professor
Bashkir State University, Ufa
fluzarus@rambler.ru

Valiakhmetova El'vira Kamilovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Belaya2808@yandex.ru

The article attempts to find rational approaches to the study of institutional discourse. The focus of the work is on conceptual and methodological differences in applying the terms 'institutional discourse' and 'discourse analysis'. Starting from the basic notions underlying institutional discourse, the authors subject it to rethinking and come to understand it as a process, tool and mechanism of psycho-emotional impact on a representative of the particular social environment. The authors suggest not identifying the term 'discourse analysis' with the research method, but regarding it as an approach or direction – research practice that includes various interdisciplinary methods, which have developed in the world science.

Key words and phrases: institutional discourse; methodological problems of discourse analysis; system of filters; psycho-emotional impact; rational and affective scenario.